

ЛАНДРАТСКИЕ КНИГИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА И ЕГО ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*

Денис Ляпин

Елецкий государственный университет,
Елец, Россия

LANDRAT BOOKS: CHARACTERISING A SOURCE AND ITS POTENTIAL**

Denis Lyapin

Yelets State University,
Yelets, Russia

This article considers Landrat books compiled between 1715 and 1720, which contain the results of the last census of homesteads carried out by the Russian state. Even though a comprehensive study of the Landrat books has not been conducted, scepticism prevails when it comes to the reliability of their results. The author argues that there are no grounds for such scholarly scepticism. The materials of the Landrat census have great potential. The reason for distrust of the Landrat data is that they are often compared with the 1710 census, which was badly conducted. Historians also often point out that the transition to the poll tax was caused by the authorities' lack of confidence in the work of the Landrats. However, this was not the case. This transition was due to the fact that the 1715–1720 census made it clear to the government that it had to change the principle and methods of tax collection (to increase taxes). The article focuses on the potential of the Landrat books as a valuable historical source. Particular attention is paid to social and economic information. The author refers to the Landrat book of Tula. As a result, the article concludes that, regardless of the extent to which

* При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42073 «Реформы Петра I по рекрутированию шляхетства: социальная идентичность и служба "чинов" (по массовым историческим источникам 1715–1724 гг.)».

** Citation: Lyapin, D. (2021). Landrat Books: Characterising a Source and Its Potential. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577.

Цитирование: Lyapin D. Landrat Books: Characterising a Source and Its Potential // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577 / Ляпин Д. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577.

the Landrat books may be considered complete and accurate, they reflect real socio-economic processes taking place in Russia under Peter the Great. The practical purpose of the Landrat books is very significant; although these documents were not dedicated specifically to the service population, they inevitably tell the story of this large social group; also, they contain a lot of data on the history of the Russian nobility. As a result, the Landrat censuses, together with “fairytales,” register extracts, and other documents of this kind, can help recreate the overall picture of important changes in the lives of the provincial service elite in the time of Peter the Great.

Keywords: Landrat books, census of homesteads, Peter the Great, Landrats, capitulation census, fairytales, gentry

Статья посвящена изучению ландратских книг, которые были составлены в 1715–1720 гг. и представляют собой результаты последней подворной переписи Российского государства. Несмотря на то, что массового комплексного изучения ландратских книг до сих пор проведено не было, в историографии превалирует скептическое отношение к достоверности их результатов. Автор показывает, что материалы ландратской переписи недооценены, а их информативность шире, чем набор фискальных и социально-экономических сведений. Причины недоверия к данным ландратских книг связаны с тем, что их часто отождествляют с материалами переписи 1710 г., которая действительно была плохо организована. Кроме того, историки указывают на то, что переход к подушному сбору был якобы вызван недоверием властей к работе ландратов. Однако отказ от подворного обложения был связан с тем, что перепись 1715–1720 гг. ясно показала правительству необходимость изменения способа сбора налога с целью усиления податного бремени, для чего нужно было изменить сам принцип ее организации. В этой связи в центре внимания автора находятся информативные возможности материалов переписей как ценного исторического источника. Особенное внимание уделяется информации социального характера, а в качестве конкретного примера подробно рассматривается ландратская книга Тулы 1715 г. Делаются выводы о том, что вне зависимости от полноты и точности представленной в ландратских книгах информации, они отражают реальные социально-экономические процессы, происходившие в России в период правления Петра I. Практическое назначение ландратских книг обусловлено тем, что они хотя и не посвящались специально служилому населению, но неизбежно освещают историю этой большой социальной группы, в том числе и русского дворянства. В итоге ландратские переписи вместе со «сказками», перечневými выписками и другими документами подобного рода могут помочь воссоздать общую картину важных изменений в судьбах провинциальной служилой элиты петровского времени.

Ключевые слова: ландратские книги, подворная перепись, Петр I, ландраты, подушная перепись, сказки, шляхетство, массовые источники

«Ландратскими» в историографии называют переписные книги, составленные по результатам последней в истории России подворной переписи, проведенной в 1715–1720 гг. Это название документы получили из-за того, что проведение переписи было поручено ландратам (помощникам губернатора на местах). В XVIII в. эти документы называли переписными книгами.

Несмотря на то, что материалы переписи 1715–1720 гг. представляют собой объемную фискальную документацию и имеют большие информативные возможности, использование этого вида источников в работах ученых представляет собой большую редкость. Итоги переписи, порученной ландратам, почти не привлекали внимание исследователей, лишь упоминавших о ней при изучении системы налогообложения или деятельности самого института ландратуры [Кранихфельд, с. 148; Богословский, с. 324–326; Ключевский, с. 386]. В XIX в. вопрос о полноценности и научной значимости ландратских книг как исторического источника даже не мог быть поставлен. Только в начале XX в. П. Н. Милюков выразил сомнения в их достоверности, предположив, что неудовлетворенность Петра I их составлением якобы и заставила его отказаться от подворных налогов в пользу подушного обложения [Милюков, с. 471–472]. Высказанное мнение вскоре закрепилось в науке.

Однако такие историки, как М. В. Ключков и Б. Б. Кафенгауз, полагали, что достоверность ландратских книг достаточно высока. М. В. Ключков считал, что данные ландратской переписи показали Петру I организационную неэффективность подворного обложения. По его мнению, в 1718 г. правительству стало ясно, что итоговое число дворов не превысит данные 1678 г., а значит, не позволит покрыть возросшие потребности государства. Именно этим и была обусловлена новая налоговая реформа, а не тем, что перепись, проводившаяся ландратами, была неудачно организована [Ключков, с. 420–421]. Б. Б. Кафенгауз полагал, что эта перепись со всей очевидностью показала властям сокращение числа дворов в России, причинами чего были реальная убыль населения и бегство низших податных слоев [Очерки истории СССР, с. 388–389]. В итоге практическая необходимость в новой системе взимания прямых налогов (то есть фактическое усиление податного бремени) заставила правительство отказаться от дальнейшего составления подворных переписей [Там же, с. 389].

Несмотря на мнения М. В. Ключкова и Б. Б. Кафенгауза, каких-либо масштабных исследований результатов ландратской переписи в науке осуществлено не было, что заставило ученых отказываться от использования их данных как непроверенных, а, значит, недостаточно надежных. Это характерно, в частности, для обсто-

ательной работы Я. Е. Водарского, прямо написавшего, что он не решился работать с ландратской переписью, поскольку она еще полноценно не изучена наукой [Водарский, с. 12]. Е. В. Анисимов также отказался от использования данных ландратской переписи как слабоизученной, хотя и согласился с мнением М. В. Ключкова о том, что оснований для признания ее недостоверной нет [Анисимов, с. 38]. Для современных историков характерно косвенное обращение к ландратским книгам, связанное с региональными исследованиями [Редин, 2005; Редин, 2012; Фурсов].

Давно назрела необходимость источниковедческого и конкретно-исторического изучения ландратских книг как массового исторического источника, не уступающих в своей полноценности предыдущим подворным переписям XVII в. (1646 и 1678 гг.).

Факт того, что ландратские книги редко привлекали внимание исследователей, отчасти можно объяснить историческими условиями их появления. В 1710 г., впервые после 1678 г., в России была проведена масштабная подворная перепись, но правительство, ознакомившись с ее результатами, отказалось принять их как достоверные. Было официально объявлено о небрежном отношении местных властей к переписи и о недобросовестной работе переписчиков [Доклады и приговоры, с. 302; Милюков, с. 471–472]. Затем в 1715 г. было принято решение о проведении новой переписи, которая поручалась ландратам – должностным лицам, появившимся в 1713 г. [ПСЗ-1, т. 5, № 2964, с. 185]. Как мы уже отмечали, в историографии неудачную перепись 1710 г. довольно часто путают с ландратской переписью. Более того, исследователи приводят в пример нелестные отзывы современников и официальных властей о переписи 1710 г., якобы относящиеся к переписи, проводившейся ландратами в 1715–1720 гг. [Лященко, с. 206; Струмилин, с. 322, 328]. Не дожидаясь окончания переписи в 1718 г., Петр I принял решение о переходе к новой системе сбора прямых налогов – подушной [ПСЗ-1, т. 5, № 3287, с. 618–620]. Несмотря на это, начатая ландратами работа была доведена до конца в 1720 г., после чего должности ландратов были упразднены.

Процесс хронологического составления ландратских книг можно представить в следующей диаграмме, которая отражает работу ландратских комиссий по времени с 1715 по 1720 г. Приведенные данные указывают на то, что основной массив ландратских книг был создан в 1716–1718 гг., то есть до того момента, когда Петр I объявил о переходе к подушному обложению, а значит, основная работа ландратов была окончена и перепись не была резко прервана. Судя по сохранившимся данным, к концу 1718 г. было составлено уже 86 % всех описаний (рис. 1).

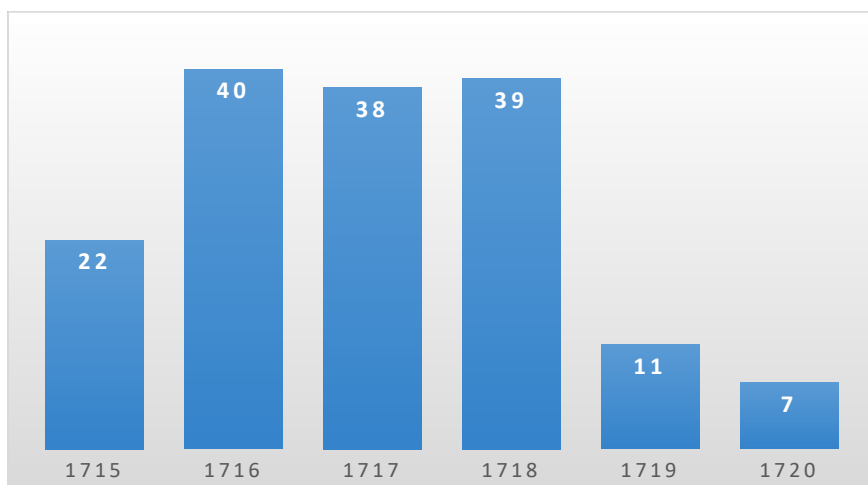

Рис. 1. Систематизация ландратских книг по времени составления

Комплекс ландратских книг достаточно обширен, а их данные охватывают значительную часть городов России¹. Все это указывает на перспективную возможность целостного изучения этого вида источника, которое могло бы дать историку подробную картину социально-экономического развития страны в 1715–1720 гг.

Ландратские книги неоднородны по своему составу и имеют сложную структуру, что обусловлено их большой информативной содержательностью, различными подходами составителей. Относительно условного формуляра их можно разделить на несколько групп: 1) составленные по типичному формуляру XVII в. (без колонок и таблиц); 2) четко разделенные на колонки-столбцы по тексту; 3) состоящие главным образом из сводных таблиц; 4) имеющие комбинированный формуляр. Использование того или иного принципа составления ландратской книги было связано исключительно с деятельностью ландрата, который исходил в этом вопросе из собственных соображений и видения итогов своей работы. Книги, от-

¹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги) – 144 единицы хранения; не выделены в отдельный комплекс документов и находятся вместе с переписными книгами 1710 г., различными частными переписями 1707, 1712–1714 гг., а также «сказками» и перечневыми книгами. В них представлена значительная часть городов Центральной России. В ряде случаев одна ландратская книга составлялась одновременно по нескольким городам и занимает в архиве одну единицу хранения (перепись Воронежа содержит данные по небольшим городам-крепостям Демшинску и Усмани; наряду с описанием Нижнего Новгорода, в ландратскую книгу были включены данные по Балахне, Юрьеву Польскому, Василию и Ядрину, а перепись Серпухова содержит сведения по Тарусе). Но иногда в описи отсутствуют указания на дополнительные сведения о других городах (например, ландратская книга Царёвококшайска (Казанская губерния) была составлена вместе с описанием расположенных рядом городов Яранска и Уржума) [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 136], что необходимо учитывать в исследовательской практике.

носящиеся к первой группе, – дань ушедшей эпохе, они почти ничем не отличаются от переписных книг 1678 г. Книги второй и третьей групп представляют собой совершенно новый формуляр и, кажется, лучше отвечали практическим задачам. Четкое разделение на столбцы и унификация информации отражают тот «регулярный» характер управления и делопроизводства, к которому так стремился в своей деятельности сам Петр I².

Содержательная сторона ландратских книг неравнозначна. Некоторые из них весьма подробны, содержат материал для отдельного исследования, другие слишком обобщенны и охватывают не так много конкретной информации. Однако в любом случае все ландратские книги – ценный источник по социальной истории Российского государства. В каждой из них состав городского и уездного общества представлен достаточно четко. Здесь встречаются упоминания и о традиционных группах населения, и о новых социальных единицах. В ландратской переписи нашли свое отражение признаки формирования новой общественной градации: калейдоскоп чинов Московского государства в контексте налоговых преобразований постепенно заменяют крупные обобщенные понятия. Например, крестьяне, бобыли и деловые люди уже объединены в одну общую категорию. В этом обобщении нетрудно заметить прообраз будущего сословного разделения подданных российской короны.

В качестве примера содержательной информативности рассмотрим ландратскую книгу по Туле 1715 г. [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 427]. Она состоит из 900 листов и составлялась ландратом Гаврилой Журавлевым. Эта объемная перепись содержит подробную и весьма интересную информацию о причинах убыли населения (переведены, вымерли, бежали, взяты в солдаты) с указанием численности по каждому случаю. Такие данные могли бы стать предметом отдельного изучения, поскольку отражают социально-экономическую и демографическую ситуацию своего времени.

Перепись зафиксировала следующие категории населения Тулы: церковнослужители, дворовые люди, «дворяне», рейтары, солдаты, пушкарки и воротники, подьячие, представители гостиный сотни, посадские люди, кирпичники, гончары, ямщики, нищие [Там же. Л. 844]. Такой состав жителей был обусловлен тем, что Тула являлась крупным торговым и ремесленным центром. Здесь проживали представители многих традиционных социальных групп: члены гостиный сотни (13 чел.), воротники и пушкарки (15 чел.), рейтары и солдаты (150 чел.), церковнослужители различных рангов (623 чел.). Наличие крупного военного контингента указывает на то, что город был важным стратегическим пунктом. Посадские люди составляли основную часть жи-

² Практика разбивки текста на столбцы и введения таблиц была заложена с первых лет XVIII в. и просуществовала до середины XIX в. Позднее она отразилась в документах подушной переписи.

телей города, их число, согласно переписи, составило 1 350 чел. Налицесть такая группа лиц, как «дворяне»: скорее всего, под этим термином следует видеть представителей различных московских чинов. Население Тульского уезда было представлено помещиками и вотчинниками (1697 чел.), и крестьянами и бобылями (4 675 чел.). В среднем на каждого землевладельца в уезде приходилось примерно по три крестьянина. Следует учитывать, что крестьянские дворы распределялись на поместных землях неравномерно. Такое соотношение сложилось здесь исторически, поскольку в XVI–XVII вв. на южных территориях Тульского края крестьян было недостаточно, а еще южнее их количество было и вовсе минимальным [Ляпин, 2015].

Социальный состав населения, отразившийся в ландратских книгах, во многом зависел от специфики региона. Изучение всех книг в совокупности могло бы дать интересные сведения по социальному, военному и национальному составу Российского государства как важным факторам, формировавшим исторические условия, в которых приходилось действовать создателям «регулярного государства» – Петру I и его соратникам [Нефедов].

Ландратская перепись фиксирует не только податное население: она упоминает помещиков и вотчинников, которые в отдельных книгах записаны по фамилиям, с указанием общей численности. Это делалось для того, чтобы распределить записанных за ними крестьян и дворовых людей. Задачи учитывать помещиков как таковых у ландратов не было. В ландратских книгах отразилось образование нового слоя уездной провинциальной элиты, зафиксированного под обобщенным термином «помещиков и вотчинников». Сам по себе этот термин отсылает нас к предыдущему столетию, в котором владение землей являлось привилегией «служилых по отечеству» [Захаров, 2013]. В это же время в синхронных документах появляется и применимое к помещикам и вотчинникам обозначение «шляхетство», которое в изученных нами ландратских книгах не встречается [Захаров, 2015; Полонский; Черников, с. 2]. По всей вероятности, это связано с тем, что ландратские книги были более инерционны относительно терминологии, в отличие от служебно-учетных и законодательных документов. Процесс изменений правящей дворянской элиты во многом зависел от региональной специфики, и ландратские книги предоставляют уникальную возможность отследить его на конкретном массовом материале. Привлечение других источников, например, данных «сказок», разнообразных служебных списков, наряду с данными ландратских книг, позволит наглядно увидеть судьбу сложной картины трансформации служилых групп петровского времени [Захаров, 2015].

В целом же перепись жителей центральных и северо-восточных регионов Европейской России показывает преобладание крестьянского и посадского населения, а для южных и юго-западных окраин было характерно значительное численное превосходство служилого

населения. Несмотря на то, что граница государства отодвинулась далеко на юг, традиционной социальной группой для орловских, воронежских, отчасти тульских мест были однодворцы – потомки служилого населения эпохи заселения территории за Окой, начавшегося еще во второй половине XVI в. [Ляпин, 2010]. Термин «однодворцы» в книге встречается нечасто, даже относительно Азовской губернии, на территории которой помещики без крестьян в XVII в. составляли главный элемент уездного общества. Зато однодворцы присутствуют в некоторых книгах Киевской губернии, в частности, в сводных данных по Мирополью [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 240. Л. 140].

Сложный состав населения наблюдался в Поволжье и на Украине. Описывая земли в районе Устья Великого, переписчики собрали ценные данные о населении земель кн. А. Д. Меншикова и Строгановых [Там же. Д. 436].

В описании Кадома и Казани содержатся дополнительные сведения о местных мурзах и татарах, сведенные в единую книгу [Там же. Д. 131, 143]. В переписи Каширы и Краснослободска имеются данные о мордовском населении [Там же. Д. 177, 211]. Обстоятельная ландратская книга по Нижегородскому уезду [Там же. Д. 266] и менее объемная по Мирополью включают описание украинского населения («черкас»), которые среди прочих населяли многие уезды Азовской губернии [Там же. Д. 240]. Описание Пензы само по себе очень подробно и содержит ценные сведения о местных чувашах, а ландратская книга города Цивильска включает отдельные сведения о так называемых «ясачных чувашах» [Там же. Д. 307, 446]. При переписи Темникова и Нижнего Ломова была составлена дополнительная книга с описанием проживавших здесь татар [Там же. Д. 270, 416]. Таким образом, материалы переписей содержат сведения об этнонациональном составе населения России.

Ландратские книги часто включают в себя дополнительные сведения самого различного характера. Например, перечневые выписки (Нижний Ломов, Скопин) [Там же. Д. 270, 370], перечни запустевших земель, деревень и погостов (Дорогобуж, Козельск, Саранск, Углич, Шуя) [Там же. Д. 111, 186, 357, 430, 470], перечень рода занятий посадских людей (Казань, Кашин, Курск, Тверь, Углич) [Там же. Д. 153, 174, 217, 413, 430], перечень мельниц, рыбных ловель, бортных ухажьев (Болхов, Севск) [Там же. Д. 35; 361], оброчные книги (Курск) [Там же. Д. 215], списки крестьян в черкасских слободах (Нижегородский уезд) [Там же. Д. 266], перепись монастырей (Коротояк, Нижний Ломов) [Там же. Д. 200. Л. 1–29; Д. 268], ведомости о сборе провианта с однодворцев (Мирополье), описание артиллерии (Костенск) [Там же. Д. 201. Л. 1–71], «сказки» приказчиков винокуренных заводов о состоянии заводов и «работных в них людях» (Вольный, Кашира) [Там же. Д. 93. Л. 196–511; Д. 176. Л. 195–200], список переселенцев и места их переселения (Калуга) [Там же. Д. 918–933], реестр работных людей (Дорогобуж) [Там же. Д. 111. Л. 286–323], данные об окладных сборах (Белев, Болхов) [Там же. Д. 25. Л. 1224–1232; Д. 35. Л. 799–1238],

а в ландратской книге по Елатье отдельно описаны дворы людей, принадлежавших купцам Строгановым [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 112].

Ландраты записывали в свои книги в качестве дополнительных приложений сведения, связанные с фискальными задачами. Изучение этих данных в совокупности с материалами самой переписи позволяет представить довольно подробную картину социально-экономического развития конкретного региона. По нашим подсчетам, дополнительные сведения содержат 46 ландратских книг, что составляет 31 % от их общего числа. Отдельно следует обратить внимание на обстоятельные описания Севска, Новгорода, Москвы, Казани, Смоленска и Ярославля [Там же. Д. 361, 248–263, 283–293, 136–141, 372–373, 479–504], содержащие данные о демографии и национальном составе жителей, а в казанской книге показаны даже важнейшие дороги, проходящие в губернии.

Таким образом, информативные возможности ландратских книг представляются нам довольно значительными. Они содержат не только фискальные данные, но вне зависимости от полноты и точности представленной в них информации отражают реальные социально-экономические процессы, происходившие в стране в 1715–1720 гг., а также могут быть использованы для работ в русле биографики и просопографии. В этом отношении ландратские книги превосходят полнотой и разнообразием данных переписи 1646 и 1678 гг. Важно отметить, что более 90 % ландратских книг показывают информацию в сравнении с данными 1678 г., что особенно ценно. Интересным могло бы быть сравнение реальных данных переписи 1678 г. и тех, что представлены под этим же годом в ландратских книгах. Многие ландраты включали в свои рукописи не только сравнительные данные двух переписей, но и причины, повлиявшие на динамику подведомственного им населения. Часть ландратских книг была составлена в соотношении с итогами переписи 1710 г. Хотя эти данные нуждаются в проверке, все же это отражает историю конкретных фамилий и родов, показывая нам их судьбы за сорокалетний период (с 1678 г.).

Список литературы

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М. : Университет. тип., 1904. XVI, 521, [1], 44, [1] с.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в.: численность, сословно-классовый состав, размещение. М. : Наука, 1977. 263 с.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1901. Т. 6. Кн. 1. 464 с.

Захаров А. В. «Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М. : РОССПЭН, 2013. С. 10–44.

Захаров А. В. Проект информационной системы «Сказки генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестов // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 130–139.

Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб. : Сенат. тип., 1911. VI, 435 с.

Ключевский В. О. История сословий в России // Ключевский В. О. Собр. соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 6. С. 225–388.

Кранихфельд А. Взгляд на финансовую систему и финансовые учреждения Петра Великого. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1845. 53 с.

Ляпин Д. А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев // История в подробностях. 2010. № 6. С. 11–16.

Ляпин Д. А. Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // Рос. история. 2015. № 5. С. 42–53.

Лященко П. И. История русского народного хозяйства. 2-е изд. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 566 с.

Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. XIV, [2], 678, [1] с.

Нефедов С. А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопр. истории. 2013. № 12. С. 53–65.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 815 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 25, 35, 93, 111–112, 131, 136–141, 143, 153, 174, 176–177, 186, 200–201, 211, 215, 217, 240, 248–263, 266, 268, 270, 283–293, 307, 357, 361, 370, 372–373, 413, 416, 427, 430, 436, 446, 470, 479–504, 918–933.

Редин Д. А. Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. : (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах – 2005. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 181–194.

Редин Д. А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 31–47.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М. : Соцэкгиз, 1960. 548 с.

Фурсов С. В. Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 86–94. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-86-94.

Черников С. В. Правящая элита России 1725–1762 гг.: массовые источники биографического характера и методика их анализа // Гуманитар. вестн. 2016. № 12 (50). С. 2–18. DOI 10.18698/2306-8477-2016-12-405.

References

Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii 1719–1728 gg.* [The Tax Reform of Peter I. The Introduction of the Capitation Tax in Russia 1719–1728]. Leningrad, Nauka. 296 p.

Bogoslovskii, M. M. (1904). *Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–27 gg.* [The Regional Reform of Peter the Great. Province 1719–27]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. XVI, 521, [1], 44, [1] p.

Chernikov, S. V. (2016). Pravyashchaya elita Rossii 1725–1762 gg.: massovyie istochniki biograficheskogo kharaktera i metodika ikh analiza [The Ruling Elite of Russia 1725–1762: Mass Sources of a Biographical Nature and Methods of Their Analysis]. In *Gumanitarnyi vestnik*. No. 12 (50), pp. 2–18. DOI 10.18698/2306-8477-2016-12-405.

Dubrov, N. F. (Ed.). (1901). *Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v pravitel'stvennom Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo* [Reports and Sentences in the Governing Senate during the Reign of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 6. Book 1. 464 p.

Fursov, S. V. (2018). Gorod Dobryi i uезд po materialam landratskoi perepisi 1716 g. [The Town and Uyezd of Dobry with Reference to the Landrat Census of 1716]. In *Istoriya: fakty i simvol'y*. No. 4 (17), pp. 86–94. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-86-94.

Kafenhaus, B. B., Pavlenko, N. I. (Eds.). (1954). *Ocherki po istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoi chetverti XVIII v. Preobrazovaniya Petra I* [Essays on the History of the USSR. Feudal Period. Russia in the First Quarter of the 18th Century. Reforms of Peter I]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 815 p.

Klochkov, M. V. (1911). *Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni* [The Population of Russia under Peter the Great According to Censuses of That Time]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. VI, 435 p.

Klyuchevskii, V. O. (1989). *Istoriya soslovii v Rossii* [A History of Estates in Russia]. In Klyuchevskii, V. O. *Sobranie sochinenii v 9 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 6, pp. 225–388.

Kranichfeld, A. (1845). *Vzglyad na finansovuyu sistemu i finansovye uchrezhdeniya Petra Velikogo* [A Look at the Financial System and Financial Institutions of Peter the Great]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 53 p.

Lyapin, D. A. (2010). Iz pomeschchikov v krest'yane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krest'yan-odnodvortsev [From Landowners to Peasants: On the Origin of the Estate of State Single Householders]. In *Istoriya v podrobnostyakh*. No. 6, pp. 11–16.

Lyapin, D. A. (2015). Rassloenie provintsial'nogo dvoryanstva v Rossii i sotsial'no-politicheskaya bor'ba vo vtoroi polovine XVII v. [The Stratification of the Provincial Nobility in Russia and Socio-Political Struggle in the Second Half of the 17th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 42–53.

Lyashchenko, P. I. (1930). *Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva* [A History of the Russian National Economy]. 2nd Ed. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 566 p.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reforms of Peter the Great]. 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIV, [2], 678, [1] p.

Nefedov, S. A. (2013). Proiskhozhdenie “regulyarnogo gosudarstva” Petra Velikogo [The Origin of the “Regulation State” of Peter the Great]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 53–65.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5.

Redin, D. A. (2005). *Sibirskie landraty. 1714–1720 gg. (Materialy k issledovaniyu)* [Siberian Landrats. 1714–1720 (Materials for Research)]. In *Petrovskoe vremya v litsakh – 2005*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 181–194.

Redin, D. A. (2012). Sibirskaya landratura: mesto vyatskikh landratov v strukture gubernskogo upravleniya perioda pervoi oblastnoi reformy Petra Velikogo [Siberian Landratura: The Place of Vyatka Landrats in the Structure of the Provincial Administration during the First Regional Reform of Peter the Great]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (105), pp. 31–47.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 350. List 1. Dos. 25, 35, 93, 111–112, 131, 136–141, 143, 153, 174, 176–177, 186, 200–201, 211, 215, 217, 240, 248–263, 266, 268, 270, 283–293, 307, 357, 361, 370, 372–373, 413, 416, 427, 430, 436, 446, 470, 479–504, 918–933.

Strumilin, S. G. (1960). *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii* [Essays on the Economic History of Russia]. Moscow, Sotsekgiz. 548 p.

Vodarskii, Ya. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII v.: chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie* [The Population of Russia at the End of the 17th – Early 18th Centuries: Size, Estate-Class Composition, Location]. Moscow, Nauka. 263 p.

Zakharov, A. V. (2013). “Gosudarev dvor” i tsaredvortsy Petra I: problemy terminologii i rekonstruktsii sluzhby [The “Sovereign Court” and Courtiers of Peter I: Problems of Terminology and the Reconstruction of the Service]. In Petrukhintsev, N. N., Erren, L. (Eds.). *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 10–44.

Zakharov, A. V. (2015). Proekt informatsionnoi sistemy “Skazki general'nogo smotra shlyakhstva 1721–1722 gg.” v kontekste izucheniya massovykh istochnikov i regestov [The Plan of the Information System “Tales of the General Review of the Gentry of 1721–1722” in the Context of Studying Mass Sources and Registers]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 16 (371). Iss. 65, pp. 130–139.

The article was submitted on 13.10.2020